

Шан Чжэ попытался внимательно прочитать контракт, но в его состоянии это было невозможно. Всё выглядело нормально, суммы и сроки были указаны верно, и он, не задумываясь, подписал.

Он не заметил, что Чжэн Цзянь добавил в обязанности арендатора два малозаметных пункта: во-первых, когда арендодатель находится дома, арендатор должен спать с ним в одной комнате; во-вторых, в течение срока действия договора арендатор не может без уважительной причины ночевать вне дома или переезжать, а в случае особых обстоятельств обязан уведомить арендодателя.

Это была его территория, и он, конечно, хотел восстановить справедливость за те «несправедливые» условия, которые ранее были у него в доме Шан Чжэ.

Когда Шан Чжэ с размахом, как будто ставил автограф для фанатов, подписал контракт, Чжэн Цзянь отправил его в ванную, чтобы смыть запах алкоголя, и с заботой спросил:

— Сам справишься? Нужна помощь?

Шан Чжэ вытолкнул его и захлопнул дверь:

— Я ещё не настолько пьян!

После душа Шан Чжэ немного протрезвел, Чжэн Цзянь тоже принял душ. Ночь была уже глубокой, но оба явно не собирались спать. Шан Чжэ сидел на кровати и кивнул в сторону двери:

— Иди спать в соседнюю комнату.

Чжэн Цзянь положил перед ним только что подписанный контракт и выделил ключевые моменты. Шан Чжэ взорвался:

— Я так и знал, что ты меня обманул!

Чжэн Цзянь поднял бровь:

— Мой дом, я сплю где хочу.

— Ха, вот оно что. Я знал, что ты не просто так был таким добрым.

— Это взаимовыгодно.

— Ладно, не хочу с тобой спорить. — Шан Чжэ взял пульт и включил телевизор. — Я хочу посмотреть повтор нашего сериала, сегодня вышла первая серия.

— Я посмотрю с тобой.

Чжэн Цзянь откинулся на кровать, не накрываясь одеялом, его свободная пижама не была завязана, открывая обширные участки тела. С точки зрения Шан Чжэ, это были мощные мышцы живота, изящная линия талии и то, что плотно облегалo нижнее бельё...

— Кхм, начинается. — Шан Чжэ отвернулся, слегка покраснев, и постарался сосредоточиться на телевизоре.

Поскольку «Вечный день» был еженедельным сериалом, и съёмки ещё не завершились,

полноценной заставки с песней не было, как и не было сборников с драками или сценами кровопролития.

Однако инструментальная версия главной темы песни «Гоугу» была использована в заставке. Звучание колоколов, постепенно ускоряющиеся удары барабанов открывали сериал, а мелодия пипы плавно вплеталась.

На экране оборвалась верёвка, и простая деревянная табличка упала вниз. На табличке были вырезаны грубые символы и иероглифы. На чёрном фоне она медленно вращалась, падая через голубое небо, храм с клубами благовоний, мифических зверей на крыше дворца... Затем картина резко изменилась, под аккомпанемент пронзительной флейты табличку унесло ветром за границу, рассекая звёздное небо, пролетая над лесом, охваченным пламенем, и, наконец, она упала в кучу песка, подняв капли крови — песчинки взметнулись, образуя иероглифы «Вечный день», каждый штрих был мощным и уверенным.

Ещё ничего не произошло, а Шан Чжэ уже не мог усидеть на месте:

— Как круто!

Чжэн Цзянь незаметно протянул руку и притянул его к себе. Шан Чжэ попытался вырваться, но тот предупредил, сжав его за шею:

— Не дерзи, смотри спокойно, иначе выключу телевизор, и спать!

Сюжет начался, и Шан Чжэ бросил на него взгляд, но не стал сопротивляться.

В первой серии была сцена встречи наследного принца Шаовэй и Хуа Цана в храме Тяньдэ. Чжэн Цзянь всё больше хмурился, а когда дошло до момента, где они обменялись взглядами на тысячеступенчатой лестнице, спросил:

— Что это за взгляды? Почему так долго смотрите друг на друга?

— Э-э, это просто случайный взгляд, эффект замедленной съёмки. — Шан Чжэ почему-то занервничал и начал заикаться.

Когда Шаовэй и Хуа Цан спрятались в тёмном зале заповедей, чтобы укрыться от убийц, Чжэн Цзянь снова возмутился:

— Зачем ты хватаешь его за одежду? Твой персонаж — мудрый наследный принц, почему он такой беспомощный, боится темноты?!

— По сюжету у меня куриная слепота, это необходимо для развития событий...

Камера крупным планом показала, как он хватается рукав Хуа Цана, и Шан Чжэ сам был ошеломлён. На самом деле во время съёмок не было такого странного напряжения, просто нужно было подчеркнуть его панику в темноте, и он схватил одежду Хао Е, а тот с раздражением оттолкнул его. Непонятно, почему после монтажа это выглядело так двусмысленно.

— Что за дурацкий сценарий? Я не против обычных сцен, но зачем такие намёки? Как это прошло цензуру, такие намёки допустимы?

— Эм, я не знаю, режиссёр сказал играть, вот я и играл. Какие тут могут быть намёки... — Шан

Чжэ пожалел, что согласился смотреть это с Чжэн Цзянем, и подумал, не поздно ли сейчас выключить телевизор и пойти спать.

В середине серии наследный принц Шаовэй потерял деревянную табличку, которую подобрал Хуа Цан.

Чжэн Цзянь с недовольством заметил:

— Хм, сценарист знает своё дело. Это что, символ любви?

Шан Чжэ возразил:

— Нет, ты же видел в начале? Это табличка с задачей, которую Шаовэй получил от своего учителя, Святого Счетовода. На ней вырезана математическая задача. Кстати, ты внимательно посмотрел, что там написано? Я тогда не смог решить, задача была довольно сложная, держу пари, ты тоже не справишься.

Чжэн Цзянь понял, что тот пытается сменить тему, но не стал его разоблачать:

— Говори.

Шан Чжэ, облегчённо вздохнув, начал:

— Я не помню точный текст, но суть вроде такая: есть дерево высотой 20 чи, обхват 3 чи. У основания растёт лиана, обвивающая дерево семь раз, и её верхушка находится на одном уровне с деревом. Вопрос: какова длина лианы. Я тогда долго думал и не мог понять, думал, что древняя математика проще, но...

Не дожидаясь окончания, Чжэн Цзянь уже дал ответ:

— Корень из 841, 29 чи.

Шан Чжэ опешил:

— ...

Чжэн Цзянь спросил:

— Что тут сложного?

Шан Чжэ в отчаянии воскликнул:

— Как ты так быстро посчитал!

Чжэн Цзянь объяснил:

— Это же теорема Пифагора.

— Я долго думал, чтобы понять, что это теорема Пифагора, и как можно так быстро посчитать? Разве не 20 разделить на 7, возвести в квадрат, плюс 3 в квадрате, извлечь корень и умножить на 7?

— Можно просто посчитать общую длину. — Чжэн Цзянь с жалостью посмотрел на него. — Так глупо? Катет 20 чи, второй катет 3 умножить на 7, получается 21 чи, в уме посчитай,

гипотенуза 29 чи.

Шан Чжэ с сарказмом ответил:

— Математик, значит, крутой?

— Тогда давай не будем говорить о математике, а поговорим о твоём сериале?

... — Как он снова вернулся к этому? Шан Чжэ с досадой подумал. — В общем, это действительно сериал о дружбе и патриотизме. Ты просто видишь то, что хочешь видеть, а я чист перед совестью.

Пока они пререкались, первая серия подошла к концу.

На экране юный наследный принц вышел из храма Тяньдэ, взглянул на небо и понял, что если не поспешит, то опоздает. Он быстро обошёл охрану из резиденции генерала, спустился с тысячеступенчатой лестницы, оглянулся и улыбнулся, его лицо озарилось лучами заходящего солнца.

За его спиной был бескрайний закат, словно предвещавший начало истории великого правителя и храброго полководца.

Вступительная песня началась, но, к удивлению, это была не та, которую изначально планировали, а «Гоугу» в исполнении Шан Чжэ.

Шан Чжэ удивился:

— Так они действительно заменили песню Улины на саундтрек? Ранее режиссёр говорил, что хочет, чтобы «Гоугу» стала главной темой сериала, и, похоже, так и сделали.

Под аккомпанемент титров, спонсоров и изображений для анонса следующей серии песня звучала полностью.

Шан Чжэ сам подпевал:

*

На тысяче ступеней мечи сверкают,

Священные тексты извиваются, как змеи,

Это божественное послание в твоей ладони.

Числа Пифагора, начертанные небрежно,

Судьба, связанная с табличкой,

Помнишь, как мы познакомились в юности?

Дождь и туман, дворец сияет,

Звёзды горят в ночном небе.

Стены крепости, знамёна падают,

Видишь ли ты их?

Я даю тебе одежду,

Ты делишься со мной шутками.

Слушай, как барабаны разносятся по равнине,

Копыта коней сотрясают горы и моря.

Ржавый меч воткнут в землю, кости превращаются в Будду,

Твои вечные земли непоколебимы.

Моё знамя стоит за границей,

Кровь врагов растекается по полю боя.

Оглянись, страна больше не во тьме,

Песок падает, кости укореняются,

Твой процветающий мир снится мне,

Моя душа вечно бродит, охраняя.

Судьба, связанная с табличкой,

Помнишь, как мы познакомились в юности?

Даже если ты больше не увидишь,

Я даю тебе одежду,

Ты делишься со мной шутками.

*

— Неплохо спел. — оценил Чжэн Цзянь. — Сыграл так себе.

<http://bllate.org/book/17718/1655975>